

№ 54 (34) РЕЧКА СЛЁЗ

[Жили-были дед и баба] – в звуковом файле этой фразы нет.

Было у их три девочки. Баба. Баба, мать умерла, мать. Дед ужанивши, ўзяў мачеху. Сабе. Ето самое, ето сказка. Ето үде-та. Ўзяў и привёў мачеху. И ета мачеха этих девочек трёх, троёх не ўлюбила.

– Ня надо ета, нам девочки. Ня надо, ня надо! – на деда на етауо, на мужака. – Куды хошь, их дявай! Куды хочешь, их дявай!

Ну он гврит: Ну что ж?

– Повязу я в их, эта...

– И вязи, вязи их ў лес и завязи етых девочек!

Он грит:

– Ну ладно, повязу в лес.

Ўзял этих девочек, ета, забрал троих и повёз, и далёко-далёко у лес, як бы ў яүоды, летом. Повёз ў лес! И там сделал такие трящёлочки, такие. Сделал, навёл [такие], что они от ветра, эта... так всё... ну, такие сделал трящёлочки, что они так: «лясь-лясь-лясь-лясь!» – сами. – «лясь-лясь!»

– Вот мои, ета, деточки, собирайте яүодки. И слушайте, а я усё вот тут буду дрóвы сечь*, дрова буду сечь. А потом я... вечаром, вечарком и вас забяраю. Домой забяру. И связу домой.

Аны так довольны, яүодки бяруть. Это трое девочки яүодки бяруть. А ён, ета... А ён уже поехал домой! Уже к своей этый к жёнке к молодэй. А эти усё палочки «лясь-лясь-лясь-лясь!». Одно:

– Нашёлся папочка, дровы сякеть. Скоро за нам приедеть.

«Лясь-лясь-лясь!» До самоуо вечера ўсё: «лясь!» А потом перестали. И стала ночь. И, и за им никто не приехал.

Оне ўтроих ўсели в кучечку. Ў там. И стали плакать. Плакали-плакали, плакали-плакали, до сáмоуо до утра плакали.

И от ихних, от ихних слёз получылась большая үлубокая река. И река тады шла до самоуо царя. Царь спать ложился – ряки не было. Проснуўся – больша, большая, большая үлубокая

ряка пришла к явоному окну, к дому. И ей больше конец. Дальше она не йдеть.

Царь ахнул и ўовóри, что:

– Слууи мои верные! Идитя, найдитя этой ряки конец! Уде этой ряки конец? Откуда она ўзялась за эту ночь?

Они ишли-ишли, ишли-ишли и нашли этой ряки конец. Сидять три девочки. Плаканых. И на концу этой ряке. Ёси заплаканные.

Ён... Аны приехали, царю доложили. Он сказаў, что:

– Идите, их забярите ко мне.

Они приехали и привязли етых девочек к царю. Вот.

Царь их ўзял. И оны ўсё яму рассказали, ну, как это получилось. Он уже понял, что река – эта от девочек. Вот.

И ён стал ўоворить:

– А чым вы будете заиматься?

Одна сказала де[вочка], ето, старшая, что:

– Я..., я одним повесом* увесь мир одену!

Друуая сказала:

– Я... одним... (А поди, забылась. Ну, повариха эта которая, повариха!) Я... одним... увесь мир... (забылась!) Я одним хлебом ли (фу ты за[былась]) увесь мир накормлю!. А, да! Я одним хлебом (как Христос, а накормил мноуо людей одним хлебом), я одним хлебом людей накормлю. Всех.

А малая сказала, что...

– А ты?

– А я двенадцать сынов рожу, ўолос в ўолос, волос в волос, ўсе будуть, как один!

Вот этот... Тоды уже царь этот ўзял эту малую замуж. Которая двенадцать сынов родить.

Ўзял её замуж. И тут... инá уже стала бяременна, и стала война. Вот.

Ина родила... Пошёл на войну. Ина родила двенадцать сынов, ўолос в ўолос и волос в волос. Это двенадцать сынов. И вси похо..., вси похожи, как один.

А раз царь ўзял. А яны, эти, ткачиха, повариха, оны жили ўси ўместях. Им стало зáвидно, что она... что ее царь замуж ўзял.

Царь писаў ей письма. Этой своей, ну жа..., жаны этой своей. А носил почталион. А яны почталиона это зловють, поймають, возьмутъ ето яґо напоють, накормють, а свою ўрамоту* напишутъ, свою ўрамоту яму в сумку положутъ, что:

– Эта...Твоя жана родила... две... двенадцать... там, и ляґушки, там, и квакушки – ўсяк-ўсяк! И звярюшки – таких народила.

Ўсё это царю посылали. А царь [нрзб] думал, что это правда. Что письмо пришло сюда, он думал, что это инá пишет. А это всё ткачиха с поварихой, сёстры там всё писали, оманывали так.

Царь приказал, это, двенадцать этих сынов и яе усадить ў бочку. И-и пустить на море.

Слуґи это, ўзяли ие, усадили ў, это, ў бочку, забили и пустили на море.

Эта бочка поплыла-поплыла, плыла-плыла, плыла-плыла, качалась по морю, ўуля... и прибилась она к береґу. И е... И етот, и ўорить, и етот ужо, и етот ужо, там, ён как-то, как ёны тама? Бочку эту, как-то, ўоворить, да яны [сыновья] там как-то и выломали и вы... или доно* вытискали* это или как? И стали уже большие, взрослые – вытискали что это доно, как-то там, как-то надо было, выскочыло. И оны уже усталися живы. Как оны вылезли, на берех выкатило, там появился большэй-большэй ўород. Стаў ўород. Вот. И оны там осталися жить на этом, на этом беряґу.

И там стаў ўород, и стало там так хорошо, такое боуатство, и етот, и, и етый, и етый самый старший сын и стаў царём. Стаў царём, стаў царём, там царём стаў.

А эти царь, царь Султан это он стал и жил ўже. Война прийшла. Ён, ён не искал уже: война прийшла, уже ўтопили и ўсё! Ён слышитъ:

– Что й такое там стаў ўород большэй? Там кае и птица тая, и белка та орешки шы... шы... шы... шшолкаеть, там и церква, там ўсё-ўсё-ўсё! Такой ўород, такой ўород! На острову такой ўород!

Ну царь Салтан ўоворит, что... А тада ужо яны, яны стали писать ў царю, писали. Или как-то он ўзнал, что там такой открылся новый ўород.

Царь получил тое письмо и ўовóрить:

– Надо мне, – ўовóрить, – как-то этот ўород навясти-ить!
Надо навясти- ить!

И царь Салтан приехал в этот ўород. Приехал в этот ўород, где оны жили́ ўси. И узнал эту свою жón[ку], невесту. Узнал свою.

А етыт, а там ешшо ведь белый лебядь етыт. Как оны, как это оны ходили на охоту, да убили этоуо, да убили этоуо, убили. А белый, а это, белый лебядь купалыся. А коршун прилятел. Клёў, клёў вострый, вострый, вострый клёў наточыл. (Как там? Да... Вот как, забылась!) Клёў... Вострый, клёў вострый наточыл. (Как-то забылась!) Хотел лебедь туо, ну-у, убить ия. А етый старший сын, он, у яуо была́ роуатка. Он взял выстрелил, убил... и убил этоуо лебядя [коршуна]. Он свою кроў в море пролил. И спас этоуо лебядя. Этот лебедь... сказаў – ужо ина девушкой ужо топерь ўже ина стала – вот ина яму стала встречаться. Ён ей стал ўоворить, что, это, ну чтоб она замуж за яуо вышла. А ина сказала, что:

– Не-е! Обожди! Шшас нельзя. Жана ня рукавица, с белой ручки не стряхнёшь, за пояшечек не заткнёшь. Обожди! Надо ешше... поглядеть да подивиться, как, как... Кто ты такей, я не знаю!

А потом уже яны, када яны ужо жанилися з ей, тада уж царь Салтан приехаў. Царь Салтан приехаў, узнаў своих сыновей и свою жану, ўсих узнал! И царь, этот, обнимал и царицу, и сынка, и эту, и молодицу. Обнимались-целовались. А этих ужо, а ткачиху с поварихой, с бабо[й], Пабариху – этих ўсих прогнал. А стал жить там вот остался. Стал жить с своим сынáм и своей, этой, невестой.

Вот така, такая сказка.